

Начальник 6 Управления КГБ СССР, генерал-лейтенант Щербак Федор Алексеевич.

За прошедшие годы о поистине глобальной трагедии Чернобыля написано и сказано, кажется, все. И тем не менее одна тайна осталась. Никогда не публиковалось, кто именно расследовал причины и последствия катастрофы на ЧАЭС. Имена руководителей оперативно-следственных групп КГБ СССР были строго засекречены.

Взрыв на ЧАЭС произошел в 1 час 23 минуты пополуночи 26 апреля 1986 года. Общий выброс активности составил около пятидесяти миллионов Кюри, что в несколько сотен раз превысило зарегистрированную активность в Хиросиме и Нагасаки после атомной бомбардировки в 1945 году.

Практически сразу были сформированы Правительственная комиссия и оперативно-следственная группа КГБ СССР, которую возглавил генерал-лейтенант Федор Алексеевич Щербак. К месту катастрофы они прибыли через шесть часов после взрыва.

В один из первых дней после аварии, где-то к обеду председатель комиссии, заместитель Председателя Совета Министров СССР Борис Евдокимович Щербина поставил перед представителями КГБ задачу срочно сделать панорамную киносъемку разрушенного реактора и к 8 часам утра следующего дня представить ее на просмотр правительственной комиссии, а после срочно доставить в ЦК КПСС для просмотра членами Политбюро и ответственными руководителями ведомств. Съемку помогли сделать вертолетчики ВВС, снимал сотрудник

6 Управления КГБ СССР майор Валерий Михайлюк. Несколько раз вертолет с открытым окном облетал станцию. Кассету доставили на киностудию им. Довженко, где ночью пленку проявили, и в указанный срок уже привезли в Чернобыль. После просмотра фильма КГБ поручили доставить ее по назначению. Оперативник на вертолете прибыл в Чернигов прямо к ожидавшему его самолету, который тут же вылетел в Москву. В 12.00 он уже был в приемной.

Первичная оценка радиационной обстановки на ЧАЭС и в городе Припять началась в 15 часов 26 апреля с момента прибытия на станцию аварийной бригады Минэнерго. Были обследованы сотни людей, находившихся на ЧАЭС в момент взрыва или принимавших участие в тушении пожара. 67 человек, имевших признаки острого лучевого поражения, были отправлены 27 апреля в специализированные клиники Москвы и Киева. Острая лучевая болезнь диагностирована у 44 пострадавших.

После изучения обстановки в зоне ЧАЭС и близлежащих районах было объявлено о введении норм радиационной опасности, соответствующих нормам "особого периода" (термоядерной войны), и о введении правил военного времени.

По существовавшим на тот период в СССР нормам при угрозе для граждан получить облучение на уровне 75 БЭР (биологический эквивалент рентгена) эвакуация была обязательной. Так как уровень радиоактивного заражения превысил эту норму, решение об эвакуации приняли незамедлительно. Первоначально выселялись жители в радиусе десяти километров от ЧАЭС. Затем была объявлена тридцатикилометровая зона полной эвакуации. К 27 апреля основные эвакуационные мероприятия были завершены, три рабочих блока ЧАЭС остановлены, в зону отчуждения введены войска и гражданские специалисты, приступившие к ликвидации последствий взрыва.

До катастрофы в 4-м реакторе находилось 1500 тонн радиоактивного графита, который воспламенился после взрыва. При скорости горения одна тонна в час он бы полыхал поистине адским пламенем около двух месяцев, выбрасывая в атмосферу несметное количество смертоносных радионуклидов.

Мировая практика не знала примеров тушения таких пожаров, тем более что в очаге возгорания уровень радиации превышал 1000 рентген в час. Было принято решение гасить огонь с помощью вертолетов. В развалины реакторного зала 4-го блока прицельным "бомбометанием" было сброшено около 5000 тонн свинца, песка, глины, доломита. Активное горение графита к 3 мая прекратилось. По теоретическим представлениям значительная часть активной зоны реактора сохранилась в виде монолитной уран-графитовой массы. Что с ней делать, никто не знал. Ежедневно температура повышалась на 150 градусов по Цельсию (для нового взрыва достаточно было 2800 градусов), а это означало, что "второй Чернобыль" должен был случиться в ночь с 6 на 7 мая 1986 года.

Предпринимались все возможные меры для замедления энерговыделения. В активную зону вводились легкоплавкие металлы, осуществлялся активный обдув жидким азотом. К десятому мая стало ясно, что нового взрыва не будет.

Из воспоминаний заместителя начальника 6 Управления КГБ СССР, генерал-майорв Хапаева Владимира Аверкиевича, ликвидатора последствий на ЧАЭС, которая произошла произошедшей 26 апреля 1986 года.

Чернобыля Хапаев В.А. хлебнул, что называется, по самые ноздри — он пробыл на разрушенной АЭС с 1 по 18 мая в качестве одного из руководителей опергруппы 6-го управления КГБ СССР и будучи замом этой структуры. В расследовании причин чернобыльской катастрофы принимали участие около тысячи чекистов из различных структур. Оперативникам удалось доказать, что причиной взрыва ядерного реактора также стали чистейшей воды халатность, расхлябанность, как и в свое время в Челябинске.

— Между прочим, ставший знаменитым снимок злополучного четвертого блока сделан с вертолета моим подчиненным — майором Валерием Михалюком, — рассказывает Хапаев. — Необходимо было заснять ядерный реактор с воздуха. Но все корреспонденты, к которым обращались с этой просьбой, отказались лететь, зная, что это смертельно опасно. А Валерий Михалюк полетел (2 мая) и награжден за это орденом Ленина.

Если в Челябинске я был «пионером», то в Чернобыле — уже опытным ликвидатором. Прибыв на место трагедии, ужаснулся: ходят мои ребята без головных уборов, курят на улице... Собственно, и винить их особо не за что — радиация ведь не пахнет, ничем о себе не напоминает, а вокруг красота, сады цветут, запахи сказочные... Ну я быстро порядок навел: приказал всем заменить петряновские фильтры на изолирующие, курить вне помещения запретил, заставил носить чепчики, бахилы. Дозиметрические «карандаши» мы выбросили — толку от них никакого, все равно зашкаливали, а выдали пленочные дозиметры.

С Чернобылем у меня один курьезный случай связан. Меня там чуть не обрили наголо. Как известно, самое большое количество радиации «впитывают» волосы. Проверили меня медики через несколько дней и ахнули: вокруг головы настоящий «нимб» — почище, чем у святого на иконе. Немедленно убрать всю шевелюру, говорят. Но вы представляете себе обритого наголо генерала? Я — нет, а врачи настаивают, грозятся жуткими последствиями.

В общем, спас меня один генерал из МВД. Привез в штаб, вызвал подчиненного и говорит: «Разведи-ка нашу жидкость, пусть Владимир Аверкиевич помоев ею голову». Намываю голову, а сам думаю: «Что это за дрянь такая? А вдруг я вообще облезу?» Нет, смотрю — и волосы целы, и дозиметр молчит. Спрашиваю: «Чем это вы меня прополоскали?» Отвечают: «Государственная тайна». Потом генерал по секрету шепнул: «Да это же стиральный порошок «Новость».

Кстати, ни в Припяти, ни в Киеве, ни в других окрестных населенных пунктах этого порошка в продаже уже не было — все скупило население. Так благодаря «Новости», которой я пользовался ежедневно, до сих пор могу похвастаться своей шевелюрой. Допустимая норма радиации для человека — 0,5 бэр (биологический эквивалент рентгена) в год. В военное время критическая суммарная мощность доходит до 25 бэр. Хапаев в Чернобыле получил 80 бэр.

После возвращения домой (разумеется, никто дома и не предполагал, где был глава семьи) Хапаев В.А. укатил в Карловы Вары. Конечно, самовольно: по всем медицинским канонам ему «светили» клиника и долгая реабилитация. Но уж по возвращении с отдыха больницы избежать не удалось. Прошел обследование. 13 чекистам, в том числе и нашему генералу, была предложена операция по пересадке костного мозга. — Я отказался. Быть может, поэтому до сих пор жив, — признается он. Говорить о здоровье Владимир Аверкиевич не любил. Единственное, о чем генерал обмолвился: если до Чернобыля он весил 106 килограммов, то после — быстро похудел на 40 кг.